

Джозеф Шеридан ЛЕ ФАНИЮ

РЕБЕНОК, КОТОРОГО УВЕЛИ ФЕЙРИ

К востоку от старинного города Лимерика находится древняя и очень узкая дорога, миль приблизительно в десять, огибающая подножие горной гряды, называемой Слив-Фелимскими холмами, — они славны тем, что там, среди скал и лощин, укрывался Сарзфилд, когда пересекал их, дабы устремиться в храбрую атаку на обозы с боеприпасами и артиллерию короля Вильгельма, которые были отправлены на помощь осаждающей армии. Дорога эта соединяет две другие — от Лимерика к Тишперэри и старый тракт из Лимерика в Дублин — и пролегает среди болот, пастбищ и холмов, вблизи расположенных в долинах деревень с соломенными крышами и руин замков; общая длина ее — почти двадцать миль.

На одном участке этой дороги, у подножия упомянутых выше гор, царит необычное запустение. Длинной более чем три ирландские мили, он пересекает дикую местность. Если двигаться по нему на север, то по левую руку окажется обширное черное болото, плоское, как озеро, и окаймленное роцшей, а по правую — неровная череда одетых вереском гор; кое-где ее прерывают ряды серых утесов (своим смелым рваным контуром они напоминают замковые укрепления), кое-где прорезают ущелья, которые, расширяясь,

переходят тут и там в усеянные камнями и деревьями долины, а те — в открытое пространство у дороги.

На несколько миль по одинокой окрестности тянется скудное пастбище, где бродят немногочисленные овцы и коровы; там под прикрытием холмика и двух-трех больших ясеней стояла много лет назад крытая соломой хижина, принадлежавшая вдове по имени Мэри Райан.

Нелегко жилось вдове в этом нищем крае. Соломенная крыша ее хижины приобрела серый оттенок и осела — так сказалоь на этом утлом крове чередование дождливых и солнечных дней.

Но какие бы опасности ни грозили этому жилищу, от одной оно было избавлено благодаря предусмотрительности, проявленной в свое время его обитателями. Вокруг хижины стояло полдюжины рябин — деревьев, враждебных ведьмам. К видавшим виды дверным доскам были прибиты две подковы, на притолоках и по всей крыше пышными пучками росла трава молодило, известная издревле как средство от самых разных болезней, а также от проделок нечистого. Шагнув с порога вниз, в *chiaroscuro*¹ внутри хижины, и приспособившись к тусклому освещению, вы различили бы в головах вдовьей постели, над которой виселся деревянный балдахин, висящие на спинке четки и склянку со святой водой.

Несомненно, здесь были возведены заслоны от вторжения потусторонних злобных сил, о близости которых уединенно живущей семье постоянно напоминали очертания Лиснавуры — пустынного холма, облюбованного фейри, или «славным народцем», как их обычно предпочитают называть. Увенчанной странной куполообразной вершиной, он виднелся в полумиле и походил на внешнее укрепление, помещенное перед изогнутой линией гор.

¹ Светотень (*um.*).

Уже наступила пора листопада, осеннее солнце клонилось к горизонту, и очарованная Лиснавура отбрасывала длинную тень, которая накрывала волнистые склоны Слив-Фелимских холмов и кончалась почти у порога крохотной одинокой хижины. Перед домом, на ветвях печальных ясеней, стоявших вдоль дороги, пели в редеющей листве птицы. Трое младших детей вдовы играли на дороге, и их голоса звучали вперемежку с вечерним птичьим пением. Старшая сестра, Нелл, оставалась «на хозяйстве» и варила к ужину картошку.

Мать ушла с корзиной на болото за торфом. Такой в этих краях существовал — а может быть, и ныне существует — милосердный обычай (дай бог, чтобы он не исчезал как можно дольше): когда состоятельные люди, нарезав торф, складывали его на болоте, они оставляли рядом кучу поменьше, для бедных; бедняки могли брать оттуда сколько угодно, пока торф не кончится, и таким образом их очаги зимой не остывали, а в горшках с картошкой кипела вода.

Молл Райан взобралась по крутому борину, края которого заросли колючими кустами и ежевикой, и, ссутулясь под ношей, вошла в дверь; темноволосая Нелл со словами приветствия взяла у матери корзину.

Молл Райан со вздохом облегчения огляделась и, вытирая лоб, воскликнула на манстерском диалекте:

— Ух! Ну и умаялась — Господи благослови. А где малыши, Нелл?

— Играют на дороге, мама; разве ты их не видела, когда поднималась?

— Нет, на дороге никого не было, — с легким беспокойством отвечала вдова, — ни души; что же ты за ними не смотрела, Нелл?

— Ну, значит, играют на гумне или за домом. Позвать их?

— Позови, моя хорошая, ради бога, позови. Видишь, куры возвращаются в курятник и солнце уже спустилось к Нокдауле. А я пока отдышусь.

Рослая темноволосая Нелл выбежала за дверь и, стоя на дороге, поглядела вправо и влево, но не обнаружила ни двоих своих младших братьев, Кона и Билла, ни маленькой сестренки Пег. Она стала звать, однако с гумна, обсаженного редким кустарником, ответа не последовало. Нелл прислушалась, но детских голосов не различила. Через перелаз она побегала за дом — всюду было тихо и пусто.

Напрягая зрение, она стала разглядывать болото внизу, но детей не было и там. Прислушалась снова — молчание. Вначале Нелл рассердилась, но теперь ею овладели совсем иные чувства и она побледнела. Страшась сама не зная чего, она подняла глаза на вересковый купол Лиснавуры, темно-фиолетовый на фоне пламенеющего заката.

Все более тревожась, Нелл опять вслушалась, но уловила только прощальный щебет и посвистывание птиц в кустах. Как много историй рассказывалось зимой у очага о том, как детей, гулявших в сумерках по безлюдным местам, похищали фейри! Именно этого — как было известно Нелл — все время опасалась ее мать.

Никто в округе не собирал по вечерам свой маленький выводок под крыло раньше, чем боязливая вдова Райан, и ни одна дверь «в семи приходах» так рано не запиралась на засов, как дверь ее хижины.

Нелл страшилась фейри, как и все ее сверстники в тех краях, и даже больше, — поскольку видела, с каким ужасом вспоминает об этих злобных и коварных существах ее мать. В испуге, не спуская глаз с Лиснавуры, девочка вновь и вновь осеняла себя крестным знаменем и бормотала молитвы. Ее прервал оклик

матери, донесшийся с дороги. Нелл отозвалась и кинулась, огибая хижину, к дверям, где стояла вдова.

— Куда же подевались ребята.. ты их не видела? — крикнула миссис Райан, когда Нелл оказалась на перелазе.

— Полно, мама, они просто побежали вниз по дороге и с минуты на минуту возвратятся. Они ведь как козы, куда только не заберутся. Попадись они мне, уж я им всыплю по первое число.

— Прости тебя Господи, Нелл! Ребятишки пропали. Их увели, а вокруг ни души и до отца Тома целых три мили! Что же делать, кого сейчас, на ночь глядя, звать на помощь? Ох, горе горькое! Пропали мои детки!

— Ну-ну, мама, успокойся — видишь, они идут.

И Нелл принялась кричать и махать руками, грозя озорникам взбучкой, а они тем временем подходили все ближе. Невдалеке от хижины на дороге начинался уклон, поэтому их и не было видно раньше. Дети шли с запада, как раз оттуда, где стоял страшный холм Лиснавура.

Но их было всего двое, а девочка громко плакала. Мать с сестрой, испугавшись больше прежнего, ринулись им навстречу.

— Где Билли... где он? — выкрикнула, едва приблизившись, обессиленная мать.

— Его нет... они его забрали; но они сказали, он еще вернется, — ответил Кон, маленький мальчик с темно-каштановыми волосами.

— Его забрали с собой важные леди, — всхлипывала девочка.

— Что за леди?.. Откуда? Ох, Зайчик, сокровище мое! Сыночек, родной мой, неужели я тебя больше не увижу? Где он? Кто его увел? Что это за леди такие? Куда он пошел? — рыдала обезумевшая от горя вдова.

— Я не видела, мама, но как будто бы к Лиснавурскому холму.

Дико вскрикнув, несчастная женщина опрометью кинулась туда; она размахивала руками и громко звала своего пропавшего мальчика.

Охваченная страхом, Нелл не решилась последовать за матерью, а только проводила ее взглядом и ударилась в слезы; остальные дети тоже зарыдали один громче другого.

Сумерки сгущались. Давно уже прошел тот час, когда семья вдовы имела обыкновение надежно запереться в своем обиталище. Нелл отвела младших в хижину и усадила у огня, а сама осталась стоять у открытой двери, с тревогой ожидая возвращения матери.

Мать появилась нескоро. Она вошла, села у огня и душераздирающе зарыдала.

— Задвинуть засов, мама? — спросила Нелл.

— Да, задвинь... Я сегодня и так слишком много лишилась, не хочу потерять еще кого-нибудь из вас. Но сперва сбрызнись-ка святой водой и принеси ее сюда — я окроплю себя и малышей; сдастся мне, Нелл, ты забыла это сделать, когда выпускала детей на ночь глядя гулять. Иди сюда, сядь мне на колени, мой маленький, и ты иди, моя душечка; обнимите меня покрепче, во имя Господне, и я вас обниму, чтобы никто вас у меня не отнял, и расскажите все: что и как случилось — огради нас, Боже, от всякого зла — и кто вам встретился.

Дверь закрыли на засов, и двое ребятишек, перебывая друг друга, повели свой странный рассказ, который то и дело прерывала к тому же своими вопросами мать, поэтому я лучше изложу его связно и своими словами.

Трое детей вдовы Райан играли, как я уже говорил, на узкой старой дороге перед домом. Маленький

Билл, или, иначе, Зайчик, был прехорошенький мальчик лет пяти, золотоволосый, с большими голубыми глазами, свежий и цветущий; взгляд Билли отличался наивной серьезностью, какой не встретишь у городских ребятишек. Вместе с мальчиком были его сестренка Пег, приблизительно годом старше, и брат Кон, на год с небольшим старше Пег.

В свете закатного октябрьского солнца ребята устроились под громадным старым ясенем, который ронял им под ноги последние листья, и весело и увлеченно, как свойственно деревенским детям, принялись за шумную игру; лица их при этом были обращены к западу, к овечьному легендами холму Лиснавура.

И вдруг сзади их окликнул громкий пронзительный голос, приказывая убраться с дороги; они обернулись — и перед ними оказалось никогда прежде не виданное зрелище. Это была карета, запряженная четверкой лошадей; скакуны, которых, судя по всему, только что осадил кучер, фыркали и в нетерпении били копытом. Дети, выбравшись у них из-под самых ног, отпрянули к обочине перед собственной дверью.

Карета, вместе со всеми своими принадлежностями, сверкала старомодным великолепием и совершенно ошеломила детей, которым до сих пор не доводилось видеть ничего внушительней повозки с торфом и, однажды, почтового экипажа из Киллало.

Это была старинная роскошь. Алая упряжь искрилась золотом. Лошади, громадные и белоснежные, трясли своими пышными гривами, и те, казалось, текли и струились по воздуху, то удлиняясь, то укорачиваясь, как дым; на длинных хвостах были завязаны банты из широкой, алой с золотом ленты. Карета с гербом сияла разными красками и позолотой. Лакеи были наряжены в пестрые ливреи и треуголки, как и кучер, но на последнем красовался большой,

похожий на судейский, парик, а прически лакеев состояли из собственных волос, завитых и напудренных, с бантом и косичкой, свисавшей вдоль спины.

Все слуги были какие-то коротенькие, нелепо несообразные гигантским пропорциям упряжки; на их желтых, с резкими чертами и горящими беспокойными глазками лицах лежал отпечаток такого коварства и злобы, что у детей по коже побежали мурашки. Крошка кучер бросал из-под треуголки хмурые взгляды и показывал белые клыки; его глаза-бусинки подрагивали от ярости в орбитах; он крутил кнутом над головами детей, пока взмахи не стали казаться им в вечерних лучах огненными вспышками, а щелканье — криком легионов воздушной нечисти.

— Заградить дорогу принцессе? — душераздирающе взвизгнул кучер.

— Заградить дорогу принцессе? — пропищали по очереди лакеи, злобно оглядываясь на детей и скрежеща острыми зубами.

Дети были так испуганы, что только таращили глаза, белея от ужаса. Но тут из открытого окошка кареты донесся нежный голос, который ободрил малышей и заставил умолкнуть лакеев.

Красивая и «очень шикарная» дама улыбалась детям из окошка, и в лучах этой странной улыбки они почувствовали себя очень приятно.

— Сдается мне, это мальчик с золотыми волосами, — произнесла дама, останавливая на маленьком Зайчике взгляд своих больших и удивительно светлых глаз.

Верх кареты был почти весь стеклянный, и дети разглядели внутри еще одну женщину, которая поправила им куда меньше, чем первая.

Она была черная, с длинной-предлинной шеей, увешанной множеством ожерелий из крупных разноцветных бусин; голову женщины покрывал тюрбан

из шелка с полосками всех цветов радуги, к которому была прикреплена золотая звезда.

Худое лицо черной женщины напоминало обтянутый кожей скуластый череп. Она взглянула через плечо красивой дамы и шепнула что-то ей на ухо, продемонстрировав при этом белки больших навыкате глаз и широкий ряд зубов — и то и другое белело еще ярче на фоне темной кожи.

— Да, сдается мне, это мальчик с золотыми волосами, — повторила дама.

Голос ее прозвенел в ушах детей серебряным колокольчиком, а улыбка зачаровывала, как свет волшебной лампы, и, когда дама высунулась из окна и окинула золотоволосого голубоглазого Билли невыразимо ласковым взглядом, мальчик невольно ответил ей снизу такой же нежной улыбкой, после чего дама склонилась и протянула к нему свои унизанные кольцами руки и Билли вскинул ручонки ей навстречу. Брат и сестра малыша не видели, как соприкоснулись их руки, но слышали слова: «Иди сюда и поцелуй меня, мой милый»; затем дама подняла Билли, который взлетел в ее пальчиках легко, как перышко, усадила к себе на колени и принялась целовать.

Ничуть не испуганные, дети были бы только рады поменяться местами со своим младшим братом, которому так повезло. Только одно их смутило и немного встревожило: поведение черной женщины, которая по-прежнему стояла в карете навытяжку. Женщина поднесла, скомкав, к губам богатый шелковый с золотом платок и, как показалось детям, стала складка за складкой запихивать его в свой объемистый рот; они подумали, что так она старалась подавить судорожный смех, от которого содрогалась с головы до пят. Однако в глазах женщины (платок их не скрывал) таилась такая лютая злоба, какой дети никогда раньше не видели.

Однако другая дама была так красива, что брат с сестрой перевели взгляд на нее, а красавица продолжала осыпать ласками и поцелуями малыша, сидевшего у нее на коленях. Улыбнувшись старшим, она показала им большое коричневое яблоко, которое держала в руке; карета потихоньку тронулась, а дама кивком пригласила детей взять угощение и уронила его из окошка на дорогу. Яблоко немного прокатилось за каретой, дети побежали следом; потом красавица уронила еще одно, и еще... И со всеми яблоками случалась одна и та же история: стоило кому-нибудь из ребятишек его коснуться, как оно закатывалось куда-нибудь в ямку или канаву, и дети, подняв голову, видели, что дама бросает следующее, и погоня возобновлялась; так все и шло, пока дети, не подозревая, что забрались в такую даль, не очутились на старой развилке, где начиналась дорога на Оуни. Там им почудилось, будто из-под лошадиных копыт и колес кареты взметнулось большое облако непонятной пыли; среди полного безветрия налетел, как иногда бывает, вихрь и закрутил пыль в столб; на мгновение он накрыл ребят, а потом, кружась, устремился к Лиснавуре, а в центре столба (как представилось детям) летела карета, но внезапно вихрь опал, солома и листья опустились на землю, пыль рассеялась, и ни белых лошадей, ни лакеев, ни позолоченной кареты, ни дамы с их золотоволосым братиком — ничего на том месте не оказалось.

В тот же миг верхний край солнечного диска опустился за холм Нокдаула и наступили сумерки. Когда так внезапно стемнело, детям стало не по себе, а увидев нависшую совсем близко круглую верхушку Лиснавуры, они испугались еще больше.

Они принялись звать брата, но их крики терялись в пустоте. Одновременно им почудился глухой голос, произнесший невдалеке: «Ступайте домой».

Оглянувшись и никого не увидев, дети пришли в ужас; они взялись за руки и изо всех сил заторопились домой (девочка при этом заливалась слезами, а ее брат от страха сделался белым, как мел), чтобы рассказать свою странную историю, а о дальнейшем мы уже знаем.

С тех пор Молли Райан ни разу не видела своего дорогого сыночка. Но своим товарищам по играм маленький Билли иногда показывался.

Бывало, когда мать отлучалась, чтобы заработать немного на уборке сена, а Нелл мыла к обеду картошку или полоскала белье в речушке, которая течет поблизости в низине, в дверь лукаво заглядывало хорошенькое личико малыша Билли и молча улыбалось сестре и брату; с криками восторга дети бежали обнять братика, но тот, по-прежнему шаловливо улыбаясь, отступал; выбежав из дому, дети обнаруживали, что Билли пропал, не оставив ни единого следа.

Так, или приблизительно так, случалось часто. Иногда Билли показывался лишь на мгновение, а иногда задерживался дольше; бывало, он просовывал в дверь руку и пальцем манил брата и сестру к себе; неизменным оставались только улыбка, лукавый взгляд и настороженное молчание, и всегда Билли скрывался, стоило детям подбежать к двери. Со временем он стал являться все реже, а месяцев через восемь окончательно прекратил свои посещения, и с этой поры навсегда потерянный мальчик занял в воспоминаниях брата и сестры место среди покойников.

Однажды зимним утром, приблизительно через полтора года после исчезновения Билли, мать еще до рассвета отправилась на рынок продавать кур. Пег, лежавшая рядом с крепко спящей сестрой, услышала на рассвете, как осторожно приподнимается дверной крючок; вслед за тем в дом вошел маленький Билли и тихонько закрыл за собой дверь. Было уже довольно

светло, и Пег разглядела, что он бос, одет в лохмотья и лицо у него бледное и исхудавшее. Он шагнул прямо к огню, склонился, съежившись, над угольками и стал медленно тереть ладонь о ладонь; собирая в кучу кусочки тлеющего торфа, он, казалось, дрожал.

Девочка в ужасе обхватила сестру и зашептала: «Проснись, Нелли, проснись — Билли вернулся!»

Нелли спала беспробудным сном, но маленький мальчик, вытянувший руки над самыми угольками, обернулся и испуганно (как показалось Пег) взглянул на кровать; девочка заметила, как его худые щеки осветились слабым пламенем очага. Билли встал, молча на цыпочках поспешил к двери и выбрался наружу так же осторожно, как и вошел.

С тех пор мальчика никогда уже не видел никто из родных.

«Доктора-фейриведы», знатоки тайных наук, которых, как было принято в таких случаях, призвали на помощь, оказались бессильны. Иные — благочестивые — ритуалы, совершенные отцом Томом, также не возымели действия. Таким образом, для матери, брата и сестер маленький Билли умер, но могилы он не обрел. Все прочие, кого оплакали любящие близкие, лежат в освященной земле на старом абингтонском кладбище, и могильные камни указывают, где живые могут преклонить колени и помолиться за упокой души усопшего. Но ничем не помечено то место, где скрылся из глаз родных маленький Билли, разве что считать таковым старый холм Лиснавуру, который отбрасывает на закате длинную тень до самого порога хижины; белый и туманный в лунном свете, этот холм притягивал к себе взор подростка Кона, когда тот возвращался ночью с ярмарки или с рынка, и юноша, невольно вздохнув, возносил молитву за своего давно и безвозвратно потерянного младшего брата.

ДУХ МАДАМ КРАУЛ

Нынче я уже старуха, а к тому дню, когда меня привезли в Эшплуэйл-Хаус, мне не сравнялось еще и четырнадцать. Моя тетка служила там экономкой, и в Лексхо прислали лошадь с коляской, чтобы отвезти меня и мой сундучок в Эшплуэйл.

Мне сделалось немножечко боязно еще по дороге в Лексхо, а стоило мне увидеть коляску и лошадь, как тут же захотелось обратно к маме, в Хейзелден. Когда я влезала в «возок» (так мы называли коляску), слезы у меня потекли ручьем, и старый Джон Малбери, который правил лошадей, купил мне в утешение — добрая душа — несколько яблок в «Золотом льве» и еще сказал, что в большом доме есть пирог с корицей, и чай, и свиные отбивные — все это стоит горячее у тетушки в комнате и ждет меня не дождется. Ночь была лунная, красивая; я ела яблоки и выглядывала в окошко возка.

Стыд и срам, когда джентльмены стращают маленькую глупышку, какой я тогда была. Иной раз мне сдается, что они надо мной смеялись. Их сидело двое в почтовой карете позади меня. И они давай меня расспрашивать (а ночь уже настала, и взошла луна), куда это я еду. Я и рассказала им, что собираюсь прислуживать госпоже Арабелле Краул в Эшплуэйл-Хаус, под Лексхо.

— А, ну тогда долго ты там не удержишься! — говорит один из них.

И я удивленно на него вылупилась, желая спросить: «Это еще почему?»; я ведь докладывала им, куда еду, с умным видом и задравши нос.

— Дело вот в чем... — продолжает джентльмен, — но только ты ни за что на свете никому об этом не говори, лишь поглядывай за ней да примечай, дело в том, что в нее вселился дьявол; она и сама больше чем наполовину дух. У тебя Библия есть?

— Да, сэ, — говорю. (Потому что матушка сунула мне в сундучок маленькую Библию, и я знала, что книга там; между прочим, она и сейчас у меня в шкафу, хотя буквы в ней чересчур маленькие для моих старых глаз.)

Когда я при словах «Да, сэ» на него взглянула, то он как будто бы подморгнул своему приятелю, но, может, мне и почудилось.

— Хорошо, — говорит джентльмен, — не забывай класть ее на ночь под подушку, и тогда старуха до тебя не доберется.

Какой тут на меня напал страх, вообразите сами! Мне хотелось многое у него выспросить про старую леди, но я слишком робела, а они с приятелем стали толковать про свое, и сошла я в Лексхо, как я уже рассказывала, не зная, что и думать. Когда мы въехали в темную аллею, душа у меня ушла в пятки. Деревья там росли густые-прегустые, большущие и почти такие же старые, как дом, и четверо человек стояли, держась за вытянутые руки, а одежды кое на ком из них — кот наплакал.

Я высунулась из окошка и вытянула шею, чтобы получше рассмотреть большой дом, и сама не заметила, как мы очутились у крыльца.

Дом этот просторный, черно-белый, со здоровенными черными балками наискосок и стоймя; его белые, как простыни, фронтоны смотрели прямо на луну, и на фасад падали тени двух-трех деревьев — такие четкие, что можно было сосчитать каждый листочек, и на всей передней части дома одно лишь окно большого холла сверкало множеством фигурных стеклышек, а на все остальные окна были по-старинному навешены наружные ставни, заколоченные крест-накрест; это потому, что в доме, кроме старой хозяйки, жили еще всего трое или четверо слуг и больше половины комнат пустовало.

Как подумала я, что вот и кончилась поездка, что стою я уже перед господским домом и где-то поблизости тетка, которой я никогда не видела, а с ней и хозяйка, мадам Краул, незнакомая, но уже такая страшная, и сердце у меня перевернулось.

Тетушка поцеловала меня в холле и повела к себе. Была она высокая и худая, лицо бледное, глаза черные, на длинных тонких руках черные митенки. Ей шел шестой десяток, и слов зря она не тратила, но каждое ее слово было закон. Жаловаться не на что, но женщина она была строгая, и сдается мне: приходится я ей племянницей по сестре, а не по брату, она была бы со мной ласковее. Правда, что сейчас об этом говорить!

Сквайр — звали его мистер Чивни Краул и был он внуком мадам Краул — заявлялся туда раза два или три в год — только присмотреть, чтобы старую леди обихаживали как полагается. За все время я видела его в Эпплуэйл-Хаус всего лишь дважды.

И, несмотря ни на что, уход за ней был хороший, и благодарить за это нужно мою тетушку и миссис Уайверн, горничную, — они долг свой знали и служили на совесть.

Миссис Уайверн (обращаясь к ней, тетушка говорила «Мэг Уайверн», а мне про нее — «миссис Уайверн») была женщина пятидесяти лет, толстая и веселая, солидная что ростом, что обхватом, никогда не сердилась и ходила черепашьим шагом. Жалованье она получала хорошее, но тратиться не очень любила; тонкое белье она держала под замком и носила обычно хлопковую саржу шоколадного цвета с рисунком из красных, желтых и зеленых веточек и горошин, и служило это платье на удивление долго.

Она ни разу мне ничего не подарила — ни на медный грош, — но была добра и всегда смеялась, за чаем болтала без умолку одно и то же; когда она виде-

ла, что я приуныла или растерялась, она развлекала меня шутками и историями, и мне кажется, я любила ее больше, чем тетушку, — ведь дети падки до забав и сказок, а тетушка хотя и сделала мне много добра, но все же кое в чем бывала строга и вечно молчала.

Тетушка отвела меня к себе в спальню, чтобы я немного отдохнула, пока она будет готовить чай. Но прежде она похлопала меня по плечу и сказала, что я высокая девочка для своих лет и здорово вымахала, и спросила, умею ли я шить и вышивать, и, взглядевшись мне в лицо, сказала, что я похожа на своего отца, ее брата, который умер и погребен, и она надеется, что я добрая христианка, не то что он, и умею вести себя как подобает.

И я подумала, что, с тех пор как я вошла к ней в комнату, впервые слышу от нее недобрые слова.

А когда я перешла из спальни в комнату экономки, такую уютную, сплошь в дубовых панелях, в камине вовсю полыхали угли, и торф, и поленья — всё вместе, а на столе стоял чай, и горячие пирожки, и мясо, от которого поднимался дымок; там же сидела миссис Уайверн, толстая и веселая, и рот у нее не закрывался — за час она успевала сказать больше слов, чем тетушка за год.

Я еще пила чай, когда тетушка поднялась наверх проведать мадам Краул.

— Она пошла взглянуть, не задремала ли старая Джудит Сквейлз, — молвила миссис Уайверн. — Джудит сидит с мадам Краул, когда мы с миссис Шаттерз (так звали мою тетушку) обе отлучаемся. Со старой леди хлопот не оберешься. Тебе придется смотреть в оба, а то она или свалится в огонь, или выпадет из окошка. Она вся как на иголках, даром что старуха.

— А сколько ей лет, мэм? — спросила я.

— Девяносто три года сравнялось, и еще восемь месяцев, — говорит миссис Уайверн со смехом. — И не

расспрашивай о ней при тетушке... имей в виду; довольно с тебя того, что сама увидишь, вот и все.

— А что мне придется для нее делать — будьте добры, мэм? — спрашиваю.

— Для старой леди? Это тебе объяснит твоя тетя, миссис Шаттерз, но я так понимаю, что тебе придется сидеть с шитьем у нее в комнате и следить, как бы со старой леди чего-нибудь не приключилось и чтобы она забавлялась своими вещичками за столом; еще нужно будет, если она пожелает, приносить ей еду или питье и смотреть, чтобы чего не стряслось, и звонить в колокольчик, если она закапризничает.

— Она глухая, мэм?

— Нет, она и слышит и видит на три аршина под землей, но она совсем того и не в ладах с памятью; ей что Джек Истребитель Великанов или Матушка Паратуфель, что королевский двор или государственные дела — все едино.

— А почему, мэм, ушла та девочка, которая нанялась в пятницу? Тетя писала моей матушке, что ей пришлось уйти.

— Да, она ушла.

— А почему? — повторила я.

— Миссис Шаттерз она не устроила, так я понимаю, — отвечала миссис Уайверн. — Не знаю. Болтай поменьше, твоя тетя не выносит болтливых детей.

— Пожалуйста, мэм, скажите, как здоровье у старой леди?

— Ну, об этом спросить можно. Давеча немного раскисла, но на этой неделе ей получше; верно, до ста лет дотянет. Тсс! Вот и тетя твоя идет по коридору.

Вошла тетушка и начала говорить с миссис Уайверн, я же, привыкнув немного и освоившись, стала ходить туда-сюда по комнате и рассматривать вещи. На буфете стояли красивые старинные безделушки из фарфора, на стене висели картины; прямо в стеновой панели я увидела открытую дверцу, а за ней —

старинный кожаный камзол, и такой чудной: с ремешками и пряжками и с рукавами длиной с кроватный столбик.

— Что ты там делаешь, детка? — вдруг строго спросила тетушка, когда мне казалось, что она обо мне и думать забыла. — Что это у тебя в руках?

— Это, мэм? — Я оборотилась, не выпуская камзола. — Знать не знаю, мэм, что это такое.

Бледное тетино лицо покраснелось, а глаза за сверкали от злости, и я подумала, что, если бы нас не разделяло несколько шагов, она бы дала мне оплеуху. Но она только встряхнула меня за плечо, вырвала камзол у меня из рук, сказала: «Никогда не смей в этом доме трогать то, что тебе не принадлежит!», повесила камзол обратно на гвоздь, захлопнула дверцу и заперла ее на ключ.

Миссис Уайверн тем временем как ни в чем не бывало сидела в кресле и смеялась, всплескивая руками и слегка раскачиваясь, — как всегда, когда дурчилась.

У меня на глазах от обиды выступили слезы, и миссис Уайверн (которая тоже прослезилась, но от смеха) сделала знак тетке. «Ну-ну, девочка не хотела ничего дурного... иди ко мне, детка. Это всего-навсего тепа для недотепы; и не задавай лишних вопросов, чтобы нам не приходилось врать. Сядь-ка сюда и выпей кружку пива, а потом ступай в постель, ты устала с дороги».

Моя комната была наверху, по соседству со спальней старой леди, где стояли рядом кровати ее и миссис Уайверн, а я должна была откликаться на зов, если что-нибудь понадобится.

Старая леди в тот вечер была снова не в себе — еще с середины дня. На нее находил, бывало, сердитый стих. То, случалось, она не дает себя одеть, то раздеть. В былые дни, говорили, она была раскрасави-

цей. Но ни в Эплуэйле, ни поблизости некому было уже помнить пору ее расцвета. А наряжаться она любила до ужаса; толстых шелков, тугого атласа, бархата, кружев и прочего добра у нее хватило бы на семь лавок. Все ее платья были немодные и смешные, но стоили целое состояние.

Ну ладно, отправилась я в постель. Я долго лежала без сна, потому что все вокруг было мне в новинку; опять же и чай, сдается, разбудоражил меня с непривычки: раньше я пила его только по праздникам. В соседней комнате заговорила миссис Уайверн, и я поднесла ладошку к уху и стала прислушиваться, но голоса мадам Краул так и не различила — она, наверное, все время молчала.

Ухаживали за ней со всем старанием. Слуги в Эплуэйле знали, что, когда она умрет, их всех до одного рассчитают, а работа здесь была немудреная и жалованье хорошее.

Доктор приходил к старой леди дважды в неделю, и, уж будьте уверены, что он велел, то слуги исполняли в точности. И каждый раз он повторял одно: ни о чем ей не перечить, а, наоборот, ублажать и во всем потакать.

И вот она пролежала одетая всю ночь и следующий день и не пожелала рта раскрыть, а я с утра до вечера сидела за шитьем у себя в комнате, только спускалась пообедать.

Я не прочь была поглядеть на старую леди и даже послушать, что она скажет, но ничего не получилось; что она здесь, что где-нибудь в Ланноне — никакой разницы.

После обеда тетушка послала меня на часок прогуляться. Я была рада вернуться обратно: деревья росли вокруг такие большие, везде было темно и пусто, небо затянуло тучами, я ходила одна, вспоминала дом и лила слезы. В тот вечер я сидела при свечах у себя,

дверь в комнату мадам Краул была открыта, и за старой леди присматривала моя тетушка. И тут я в первый раз услышала, как мне кажется, голос старой леди.

Это были какие-то диковинные звуки — уж не знаю, с чем их и сравнить, то ли с чириканьем, то ли с мычанием, — но очень тоненькие и тихие.

Я вовсю наострила слух. Но ни слова было не разобрать. И тетка моя ответила:

— Нечистый никому ничего не сделает, если только Господь не попустит.

Тогда тот же чудной голос из кровати произнес еще несколько слов — я не уразумела каких.

И тетушка опять ответила:

— Пусть себе строят рожи, мэм, и говорят, что им вздумается; если Господь Бог за нас, кто нас тронет?

Я слушала, вытянув шею и затаив дыхание, но больше ни слова и ни звука из спальни не донеслось. Прошло минут двадцать, я сидела за столом и рассматривала картинки в старых баснях Эзопа, и тут у входа что-то задвигалось; я подняла голову и увидела, что в дверь, делая знаки рукой, заглядывает тетушка.

— Тсс! — произнесла она чуть слышно, подошла на цыпочках и прошептала: — Слава Богу, она наконец заснула; сиди тихо, как мышка, я сойду вниз выпить чашку чаю и живо вернусь вместе с миссис Уайверн — она будет спать в комнате мадам, а ты, когда мы поднимемся, ступай бегом вниз, в мою комнату: Джудит принесет тебе туда ужин.

С этими словами она ушла.

Я, как прежде, смотрела книжку с картинками и временами прислушивалась, но не различала не то что шороха, но даже дыхания, и, чтобы было не так боязно одной в большой комнате, принялась шепотом разговаривать с картинками и сама с собой.

СОДЕРЖАНИЕ

Джозеф Шеридан Ле Фаню

Ребенок, которого увели феири
Перевод Л. Бриловой 5

Дух мадам Краул
Перевод Л. Бриловой 17

Сэйбин Бэринг-Гулд

Тетка Джоанна
Перевод Л. Бриловой 35

Жан Бушон
Перевод Л. Бриловой 48

Меревиги
Перевод Л. Бриловой 62

Луиза Болдуин

Настоящий и поддельный
Перевод Л. Бриловой 88

Вернон Ли

Приключение Уинтропа.
Голос из восемнадцатого столетия
Перевод Н. Роговской 108

Amour Dure.
Из дневника Спиридона Тренки
Перевод Н. Роговской 160

Эдмунд Гилл Суэйн

Лубриетта

Перевод Л. Бриловой 211

Индийский абажур

Перевод Л. Бриловой 224

Укромное место

Перевод А. Литинской 240

Монтегю Родс Джеймс

Подброшенные руны

Перевод С. Антонова 260

Предостережение любопытным

Перевод Л. Бриловой 291

Эймиас Норткот

Брикетт-Боттом

Перевод Л. Бриловой 314

Холмы Даунза

Перевод Л. Бриловой 327

Эдвард Фредерик Бенсон

Кондуктор автобуса

Перевод Л. Бриловой 335

В отсветах камина

Перевод Л. Бриловой 344

Комментарии. *С. А. Антонов* 358